

XIV

1, rue Jacques Offenbach.
Paris VXi [1920]

Дорогой Евгений Александрович,

Скажите, пожалуйста, не послал ли я Вам, по ошибке рассеянности, одну часть материала, еще не переписанного на машинке, хотя и правленного мною? Если так, то прошу эти листки отправить по адресу: Ö Вгупспаркс Alléa, 12 A, 3. Herr. Sunker. Helsingfors. Там, в Г[ельсингфор]се что-то заело.

Что так долго не отвечаете на мое предыдущее письмо о дальнейшей совместной работе.

Ваш сердечно А. КУПРИН

XV

[Париж, 1920]

Дорогой Евгений Александрович,

Спасибо за грязную работу по уборке Семенова. Каюсь, я мог что-нибудь упустить. Жду вашего приезда с нетерпением. Тогда, кстати, покажу Ваши семеновские листы и мои правки. Вы покачаете головой, сквозь Ваши очки блеснет невольная слеза, и Вы от сердца оправдаете мои невольные небрежности. Предисловие с нашим соседом пишу. За «Горе от ума» взялся Бурцев. Оказывается, вы ему сами послали книгу. Кстати, просьба: не найдете ли Вы хоть один экземпляр книжки «Русским детям». Привезли бы!

Мне кажется, что в предисловии к «Исповеди безумца» не стоило бы говорить о его личной жизни в семейных условиях. Пусть знание об этом останется для нас. Для читателя это только сладость покопаться в чужом грязном белье. Впрочем, может быть, я и ошибаюсь. А. В. Белобородовой сегодня же ответил на ее хорошее письмо. Поклон ей. Крепко жму Вашу руку.

Ваш сердечно А. КУПРИН

P. S. Ждем Вас к себе. Дешевый пансион или отель найдет Ваша сестра. Помните, что парижане, даже шоферы, вовсе не знают Парижа. Поэтому шоферу надо сказать: «Поезжай, желтоглазый, в Passy, по улице Passy там, братец, свернешь на Avenue Mozart, а по ней в третий переулочок налево, а по нему в первую щель направо, потом в первую щель налево, тут и 1, rue Offenbach, которая состоит всего из двух домов: налево наш, а направо электрическая станция». 4 etage.

P. P. S. Вчера видел Венеру Милосскую. К чертовой матери железные дороги и пароходы и американские дома! И всю механическую культуру!

А. К.

XVI

[Париж, 1920]

Дорогой Евгений Александрович,

Мне невместно писать предисловие к многострадальному переводу «Исповеди безумца». Я думаю, что гораздо лучше меня, вдумчивее, любознательнее, беспристрастнее и осторожнее сделаете это Вы сам, chér Maître. У меня была — если помните — лишь одна мысль: не опираться на личную жизнь Стриндберга. Если забыть, что он, именно он, лично, был героем, участником этой грязной трагедии, то получается почти вечное, всегда тревожащее душу произведение.

Ужасно хочу Вас увидеть в Париже. Пойдем и посидим, молча, в